

М. Я. СЮЗУМОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЛЬВА VI

Для понимания экономических воззрений Льва VI и его приближенных необходимо учитывать интересы среды, в которой складывались эти воззрения и интересы которой Лев VI защищал в своей политике. Его взгляды сложились в обстановке большого торгового города, центра все еще могущественной империи и отражали интересы городской сановной знати землевладельцев, домовладельцев и ростовщиков. Но нужно иметь в виду, что в условиях развивающейся средневековой схоластики люди того времени стремились при изложении любых взглядов опираться на незыблемые авторитеты, пользоваться готовыми формулировками прошлого. Это особенно относится к Византии, где такими незыблемыми авторитетами, под мощным влиянием которых развивались любые воззрения, были: с одной стороны, юстинианово право, как широкая сводка социально-экономических воззрений позднеантичного времени, и, с другой стороны, христианская догматика семи вселенских соборов, как сложное и противоречивое мировоззрение времен краха античных и генезиса новых производственных отношений. Именно при помощи этих юридических и религиозных теорий и формулировались экономические взгляды Льва VI и его ближайшего окружения.

Правительство Льва VI оставило ряд документов, которые могут пролить свет на воззрения правящей верхушки византийского общества в конце IX и в начале X в. Такими источниками являются новеллы Льва VI¹, Книга Эпарха², Василики³. Особенное значение для характеристики воззрений Льва VI имеют его новеллы, так как по установившейся традиции в начале каждой новеллы приводятся соображения общего характера, которые как бы аргументируют необходимость издания нового закона. И именно эти общие положения очень важны для понимания тех взглядов, которыми руководствовалось правительство Льва в своей деятельности, и в частности, в области экономической политики.

Лев VI (886—912) получил широкое по тому времени образование, обучаясь у крупнейшего ученого IX в. патриарха Фотия. Он любил часто выступать с церковными гомилиями и проявил себя в самых разнообразных видах письменности того времени. Можно думать, что и новеллы действительно являлись его личным творчеством, хотя и обусловленным, конечно, влиянием его окружения, в первую очередь Стилиана. Широко отражала как потребности, так и воззрения правительства Льва VI и Книга Эпарха, которая в своей первой редакции несомненно была состав-

¹ Jus, III.² Le livre du Préfet. Genève, 1893.³ Basilicorum libri LX, ed. K. Heimbach, 1833—1870.

лена при этом императоре. В меньшей степени это можно сказать о Василиках, которые были изданы как действующее гражданское право Византии, но редко могли оторваться от готовых формулировок юстинианова права.

Лев понимал, что законы издаются для удовлетворения текущих потребностей жизни. В новелле 95 он писал: «Жизненные потребности (*χρεῖαι τῶν πραγμάτων*) вызвали к жизни и древнейшие, появившиеся в свое время, законы. Именно к определенным случаям, встречающимся в жизни, обращена каждый раз мысль законодателя и изучение сущности этих явлений приводит к изданию законов». Что касается самого Льва, то он, по его словам, при всяком казусе из жизненной практики в первую очередь обращался к уже существующим законам (т. е. к юстинианову праву) и только в случае полного отсутствия в старинном законодательстве соответствующих определений, приходил к необходимости издания нового закона (см. например нов. 95).

Лев понимал, что характер законов зависит от окружающих условий, что в древности был «другой порядок вещей», который и вызывал особые законы (*τότε μὲν οὖν ἄλλως τῶν πραγμάτων διαχειμένων ἡ χρεῖα τὸν νόμον ἐζήτει...*), что при изменении условий отпадает необходимость в старинных законах (нов. 47). Он сам писал (в новелле 19): «не для того, чтобы порицать и не для того, чтобы возвеличить себя, мы предприняли пересмотр законов, но чтобы по возможности устранить неподходящее к жизненным потребностям подданных». Сам Лев считал себя не консерваторм, а новатором. «Многие, почитающие как нечто священное старые времена, желают следовать им в жизни и в установлениях. Я же знаю, что хотя старые времена и превосходят во многом нынешнее время, но все-таки кое в чем старые времена уступают новому...» (нов. 24). Более того, Лев понимал, что законы не изобретаются, а следуют фактическим изменениям в жизни и фиксируют то, что уже введено жизнью. Очень ясно об этом сказано, например, в новелле 22, в которой отмечено, что установившийся обычай в отношении завещаний не совпадал с существовавшими в то время законодательными положениями по этому вопросу: «обычай, — читаем мы в этой новелле, — более приемлем, чем закон — и обычай должен стать законом!»...

«Жизненные потребности», о которых так часто говорил в своих новеллах Лев, были потребностями крупного торгового города. В полном соответствии с идеологией общества, вовлеченного в товарное хозяйство, Лев считает стремление извлекать для себя выгоду природной склонностью каждого человека: «Никто из людей не доходит до такого состояния, чтобы вести дело себе во вред, и никто, я думаю, не лишен настолько ума, чтобы не стремиться как можно чаще извлекать себе пользу...» (нов. 39). И, конечно, в связи с этой же идеологией следует оценивать требование 29 новеллы о том, чтобы никто не был «беспользным ни себе ни другим»..., и то презрительное отношение к т. н. *ἄργοις* — бездельникам (нищим, бродягам и пр.), которое отчетливо выражено как в новеллах, так и других произведениях Льва VI⁴.

И новеллы, и Книга Эпарха различают производство на рынок и производство «для собственного употребления». Когда говорится о «собственном употреблении», в первую очередь имеется в виду хозяйство домов вельмож. И характерно, что, согласно данным Книги Эпарха, «дома вельмож» не должны были участвовать в производстве товаров для сбыта на рынок. Например, ряд постановлений запрещал вельможам и богатым

⁴ См. напр.: Leonis VI *Tactica*, PG, t. 107, cap. VI.

владельцам «домов» закупать шелк-сырец сверх того, что предназначалось для «собственного употребления в домах»: *τοσαῦτα, ἐξωνείσθωσαν, ὅσα δ' αὖ ἐν ταῖς ἰδίαις οἰαῖς δύναται κατακευθῆναι*⁵.

Соответственно привычным для крупного торгового центра взглядам, в документах, исходящих от правительства Льва VI, понятие права собственности не могло быть иным, чем *dominium plenum*. Ни в новеллах, ни в Книге Эпарха нет никаких указаний на иную форму собственности. Известная конституция Юстиниана о введении единого права собственности (*Cod. Just.*, VII, 25), равно как и отмена различия *res mancipi et res mancipi* (*Cod. Just.*, VII, 31), даже не включена в Василики, как совершенно само собой разумеющаяся. Землевладение понимается Львом только как *dominium plenum*. Принцип неограниченной свободы отчуждения земли особенно ярко выражен в новелле 114: «Каждый собственник имеет право продавать свою недвижимость любому лицу, кому пожелает. Если собственник уплачивает установленные государством налоги, то никто из соседей не имеет права препятствовать отчуждению недвижимости». Подобное постановление как бы легализировало происходящий в деревне процесс ликвидации свободного крестьянства. Господствующая группировка, видимо, еще не замечала опасности, грозившей ее господству. А с точки зрения интересов торгового города было, конечно, выгоднее, чтобы малоимущий крестьянин имел возможность продать землю и, перебираясь в город, располагал хоть какими-либо средствами. И не случайно в новелле 114 предоставление крестьянину-общиннику прав полной собственности на участок земли Львом VI преподносилось как особое благодеяние крестьянской бедноте. Мелкую крестьянскую собственность крестьян-общинников Лев VI считал такой же полной и неограниченной, как и земельную собственность магнатов. В этом проглядывало полное незнакомство Льва VI с положением крестьянства.

Все законодательные акты правительства Льва VI были совершенно чужды теории, согласно которой вся земля находилась в верховной собственности императора. Это, в частности, ярко выявляется в новелле 51, в которой указывается, что при нахождении клада следует считаться с тем, на чьей земле найдено сокровище: на собственной земле императора *τόπος βασιλείος* или на земле фиска (*δημόσιος*), или же на земле какого-либо лица (*ἐτέρου προσώπου*). Половина клада при этом должна принадлежать собственнику земли. Таким образом, понятие государственной и императорской собственности строго отделяется от собственности отдельного лица. В отношении города Лев VI не упоминает о муниципальной собственности. Городские земли с изданием новеллы 46, окончательно уничтожившей городское самоуправление позднеимперского типа, вошли в состав земель фиска (*τῶν δημοσίων χωρίων*). Горожане имели полную свободу в сделках по купле, продаже, дарению объектов собственности, что, конечно, вполне соответствовало развитию товарного хозяйства.

Следует особо отметить новеллу 84, отменившую всякие ограничения для сановников и архонтов столицы в приобретении ими недвижимой собственности. Ее издание явно указывает на связь правительства Льва с тою прослойкой знати, богатство которой определялось доходами с городских и пригородных земель. Но — это следует подчеркнуть — совершенно иным было отношение правительства к провинциальному землевладению константинопольских магнатов, исправлявших должности по управлению

⁵ Livre du Préfet, V, 4; VI, 10; VII, 1. Понятие *οἶκος*, соответствующее античному *familia*, принимало исключительно натуральнохозяйственный смысл. Законодательство же Льва в основном ориентировалось на отношения, связанные с товарным производством.

провинциями. Подобно своим предшественникам, Лев VI понимал, что правитель провинции, который в то же время является крупным землевладельцем в своей провинции, делается грозным противником центральной власти. Поэтому той же новеллой 84 было подтверждено прежнее постановление о совершенной недопустимости каких бы то ни было сделок по приобретению недвижимостей со стороны правителей провинций. Даже мелкие должностные лица были ограничены в правах приобретения земель в провинциях, и на каждую сделку требовалось специальное разрешение стратига. В этом же направлении действовали и некоторые другие распоряжения Льва VI. Так, новеллой 23 были усилены запреты (Dig., XXIII, 2, 38 и Cod. Just., V, 2, 1) брачных связей правителей провинций с местной землевладельческой знатью.

Подробная и всесторонняя разработка поставленного нами вопроса об экономических воззрениях Льва VI имеет большое значение для уяснения особенностей становления отдельных институтов Византии и вообще своеобразия развития византийского феодализма. Очень интересно, например, проследить отношение правительства к собственности таких учреждений, как монастыри, «богоугодные» дома и т. п.

«Богоугодные» дома, выполнявшие функции убежища для престарелых бедняков и сирот, а иногда и роль больниц, получали право собирать на покрытие своих расходов государственные налоги с крестьян, живших на земле данного учреждения. Такая дотация называлась «самовозвращающимся пожалованием»⁶. Но кроме того, некоторые из этих учреждений получали иногда право на сбор в свою пользу государственных налогов с крестьян, живших и не на землях, принадлежавших этому учреждению. Это так называемые «солементи». При составлении налоговых описей налоги, собираемые с «собственной» земли, четко отграничивались от налога, пожалованного с земельных участков, не входящих в собственность юридического лица (χωρίων τινῶν ἢ ὑποκειμένων τῷ αὐτῷ εὐαγεῖ οἴκῳ). Следовательно, предоставление права взыскивать государственные налоги не было связано с перенесением права собственности на объект обложения, т. е. другими словами, институт феодальной собственности еще не оформился и не вошел в круг экономических понятий людей того времени⁷.

Согласно новелле 104 Льва VI, земля какого-либо «богоугодного» дома или монастыря вовсе не считалась государственной, данной в условное владение. Юридическое лицо осуществляло полную собственность на основе «дара» на вечные времена со стороны императора или отдельного собственника⁸. Одинаковые права на клад имели и монастырь, и частный землевладелец, и казна на своих землях. На морские причалы имели права на своей земельной собственности и казна, и монастыри, и частные владельцы. Право полной собственности юридического лица на землю давало возможность фактически пользоваться доходами данного учреждения отдельному частному лицу — ктитору, который, используя неограниченные права собственности основанного им учреждения, фактически был его хозяином.

Принцип полной собственности Лев VI стремился, и не без успеха, распространить и на имущество монахов. Согласно законодательству Юстиниана, монах перед своим вступлением в монастырь должен был распорядиться своим имуществом в пользу своих родных и наследников,

⁶ F. Dölger. Beiträge zur byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. u. 11. Jahrh. «Byz. Archiv», 9, 1927, S. 116 (§ 9).

⁷ Ibid., S. 117; G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 72.

⁸ F. Dölger. Op. cit., S. 116 (§ 6).

в дальнейшем же все имущество монаха было вне светской собственности и принадлежало после его смерти полностью монастырю (Nov. Just., 123, 38). В известной 5-й новелле Лев отменил это положение Юстиниана и ввел новый порядок: имущество монаха после его смерти только на одну треть могло переходить монастырю, все же остальное должно передаваться родным или любому лицу по завещанию монаха. В сущности, этой новеллой Лев VI приравнял имущество монаха к светской собственности: любой монах мог иметь свое хозяйство и почти свободно им распоряжаться. Это новшество, как и многие другие, обосновывается требованиями справедливости: у монаха могут быть бедные родственники или вообще знакомые — разве не бесчеловечно лишить их права получить что-либо из имущества покойного? Лев VI даже обрушивается против стяжательства монастырей: «разве не бесчеловечно, — читаем мы в новелле, — отстранять от наследства родных и друзей покойного и все себе тащить (ἐλκεῖν)? Ведь это только обжоры (πολυφάγους) стараются, возлежа за столом, ничего не оставлять другим. Если передать имущество монаха монастырю, то ни раб не получит освобождения от оков рабства, ни бедняк не сможет воспользоваться состраданием, никто из находящихся в нужде не найдет сладости утешения...»

Новелла Льва резко противоречила каноническому праву, которое считало, что монах умер для светской жизни, а мертвый не имеет права что-либо иметь. Нужно думать, что эта новелла написана под сильным влиянием энергичного Стилиана, который считал монахов бездельниками и требовал, чтобы они не вмешивались в государственные дела⁹. Впрочем и сам Лев VI, несмотря на свое ханжество, был последовательным сторонником полного подчинения церкви государственной власти¹⁰.

Таким образом, все сказанное выше о воззрениях Льва VI на собственность показывает, что одной из особенностей формирования феодальных институтов в Византии являлось наличие мощных идеологических влияний, отражающих существование развитого товарного хозяйства и традиций позднего периода рабовладельческого строя.

Очень важно проследить отношение законодательных актов Льва VI к различным формам зависимости непосредственных производителей.

Институт рабства еще существовал в это время и в новеллах Льва неоднократно говорится о рабах. Новеллы не только подчеркивают приниженное положение рабов, но на первый взгляд даже еще более ухудшают их положение. Так, новеллы 9—11 категорически запрещали рабам вступать в клир, отменяли срок давности в отношении преследования рабов, даже получивших сан епископа. Категорически было запрещено и выступать рабам в качестве свидетелей на судебных процессах. Но новеллы 9, 10 и 11 едва ли можно рассматривать как попытку ухудшить положение рабов. Скорее, это было стремлением оградить церковь от проникновения лиц, связанных с интересами низов общества: идеи павликиан и мессалиан еще жили среди населения, а как раз в то время начало распространяться богомилство. Лишение же рабов «права» выступать на

⁹ Vita Euthymii, ed. C. de Boor. Berlin, 1888, cap. 3.

¹⁰ Во всей последующей истории Византии монахи владеют своим имуществом на правах полной индивидуальной частной собственности, продают, покупают, дарят, завещают. Монашеская индивидуальная собственность противопоставляется собственности монастыря как юридического лица. Несмотря на все попытки крупных церковных иерархов бороться со стяжательством (устав Феодора Студита), победили монастырские уставы, сохранявшие монашескую индивидуальную собственность. Видимо, церковные иерархи, которые не в силах были отменить введенные Львом правила, мстили ему путем придирок к его повторным бракам.

судах тоже трудно расценивать как ухудшение их положения. Не следует забывать, что это «право» было не привилегией, а скорее ужасной повинностью, так как показания рабов давались в обязательном порядке под пыткой. Лев VI не выступает против института рабства, но и не оправдывает его. Юридическая философия позднеимперского общества была перенесена в Василики: равенство людей по природе противопоставлялось разделению людей на свободных и рабов в результате исторически сложившегося *jus gentium*¹¹.

Интересно, однако, что ряд новелл стремился стимулировать освобождение рабов. Так (нов. 40) при отсутствии завещания у умершего в плену его имущество передавалось казне, а все рабы освобождались. По новелле 6, при передаче имущества по завещанию монастырю рабы должны тоже в обязательном порядке освобождаться. Новеллой 37 Лев VI фактически отменял статус вольноотпущенника, предоставляя освобожденным от рабства полную свободу распоряжаться своим имуществом¹². Как и в античное время, отпуск на волю отдельных рабов был величайшим стимулом, заставлявшим раба работать интенсивно, и Лев не желал, чтобы отпуск на волю был призрачным вследствие ограничения в правах отпущенного. Понятие рабства Лев VI прямо связывал с наличием ограничений в праве распоряжаться своим имуществом: «если нет права свободному распоряжаться имуществом, разве это не возвращение к рабству?» И эта формулировка очень характерна: она навеяна бесспорно условиями жизни крупного торгового города, для основной части населения которого свобода ассоциировалась прежде всего с правом свободного распоряжения имуществом.

В этой же связи следует отметить и новеллу 38, которая предоставляла императорским рабам полное право завещать свое имущество по их усмотрению¹³. Лев VI считал «жадностью» положение старинных законов (*Dig.*, XXVIII, 1) о том, что рабы не имели права распоряжаться добытым тяжелым трудом имуществом и оставлять завещание на благоприобретенное. Нововведение Льва было бы серьезным изменением статуса раба, если бы новелла распространялась в обязательном порядке на институт рабства в целом. Но действие новеллы распространялось только на личных рабов императора, прочие же рабовладельцы, должностные или частные лица, согласно новелле, могли следовать старому законодательству. Кроме того, неизвестно, о каких императорских рабах идет речь¹⁴. К тому же, ни новелла о вольноотпущенниках, ни новелла о царских рабах не упоминались в последующем законодательстве и, нужно думать, не имели силы.

Новеллы Льва не отражали тех процессов, которые потом так ярко проявились в сельском хозяйстве, — процессов закрепощения личности непосредственного производителя. В новеллах скорее проглядывает стремление заменить рабское состояние экономической зависимостью. Об этом

¹¹ Л. М. Мордухович (Очерки истории экономических учений. М., 1957, стр. 38), говоря о стремлении юридической философии учением о естественном праве обосновать естественный характер рабовладельческого строя, не учитывает изменения в постановке этого вопроса на разных этапах развития античного общества. В *Дигестах*, например, утверждается, что войны и порабощение противны естественному праву, потому что по естественному праву люди рождаются свободными (*Dig.*, I, 1, 4; *Instit.*, I, 1, 2, 2=*Bas.*, II, 1, 4).

¹² Раньше часть имущества вольноотпущенник обязан был завещать бывшему господину — это отменялось теперь новеллой Льва.

¹³ Разумеется, новелла не имела в виду предоставленный рабам пекулий, но только благоприобретенное имущество.

¹⁴ Можно думать, что имелись в виду рабы только в царских мастерских.

ярко свидетельствуют новеллы 100 и 101. Освобожденный раб (если его жена не была освобождена) или свободный, вступивший в брак с рабыней, должен был в обязательном порядке выкупить жену из рабства, причем при недостатке средств он должен был отработать стоимость рабыни в качестве наемного работника по исключительно низкой расценке — 2 номисмы в год (т. е., если брать среднюю цену рабыни 20—30 номисм, в кабале пришлось бы работать 10—15 лет)¹⁵.

Для характеристики взглядов правительства Льва VI по вопросам торговли особенно большое значение имеет Книга Эпарха. Судя по этому источнику, столичное купечество пользовалось особыми привилегиями. Наоборот, провинциальное купечество приравнивалось к чужеземному и обе эти группы обычно назывались одним и тем же термином *ἐξωτικοί*. Подобно иностранцам, и иногородние купцы не имели права оставаться в Константинополе больше трех месяцев (Книга Эпарха, XX, 2).

Задачей своего регулирования торговли правительство Льва VI ставило создание «изобилия» (*εὐθηνία*) в Константинополе, и поэтому всячески поощряло ввоз продовольственных товаров и сырья в столицу. В связи с этим ведомство эпарха должно было собирать сведения от рыбо-торговцев об улове рыбы, от мясников — о пригоне скота, от хлебопеков — о поступлении зерна; легатарий должен был учитывать все виды товаров, доставляемые в Константинополь (Книга Эпарха, XVII, 1; XVI, 2; XVIII, 1; XX, 2). Понятию *εὐθηνία* противопоставлялось понятие *ἐνδεα* (эндейя), характеризующее такое положение на рынке, когда ощущается недостаток товаров и когда цены на товары быстро растут. (В новелле 52 такое состояние рынка Лев VI назвал «болезнью и несчастьем»).

В Книге Эпарха неоднократно указывается, что отдельные злонамеренные лица скупали товары, чтобы сохранить их на случай эндейи и продать по дорогой цене (X, 2; XI, 3; XVI, 5; XX, 3). К борьбе против спекуляции привлекались члены корпораций (Книга Эпарха, XIII, 4). В Василики включен закон, согласно которому лица, злоумышляющие против *εὐθηνία* с целью личной выгоды, подлежат наказанию: купцы лишаются права торговли и подвергаются изгнанию, а более бедные (мелкие спекулянты) осуждаются на принудительные работы (Bas., IX, 22, 6 и схолия 1).

Все внимание правительства Льва обращено не на вывоз товаров, а на ввоз. Ряд самых ценных товаров вообще запрещалось вывозить из Константинополя, для вывоза предназначались менее ценные товары (Кн. Эп., IV, 3; VII, 3). В этом отношении мероприятия правительства Льва VI были прямо противоположны политике Венеции (XIII в.), которая стремилась по возможности ограничить внутреннее потребление предметов роскоши и поощрять их вывоз за границу¹⁶. Такой политикой Византия надеялась не допустить «варваров» на ту ступень цивилизации, на которой находилось византийское общество и сохранить монополию на

¹⁵ Судя по Книге Эпарха (II, 10 и VI, 7), рабы в это время могли с разрешения господина стать хозяевами мастерских, как бы на равных со свободными мастерами правах. Но данное положение не представляло собою ничего нового и вполне соответствовало статусу раба, получившего право свободного распоряжения пекулием (Dig., XII, 2, 11, 2=Bas., XIII, 1, 11; Dig., XV, 1, 48, 1=Bas., XVIII, 5, 38).

Здесь следует заметить лишь то, что разрешение рабам быть хозяевами мастерских и вступать в коллегии вовсе не являлось моментом, способствующим переходу к феодальным отношениям, — наоборот, оно отражало позднеимперскую и юстинианову «старину», тогда как для приема в средневековые цехи обычно требовалось свободное происхождение ремесленника.

¹⁶ I capitolari delle arti veneziane..., pubbl. de G. Monticolo, vol. I. Roma, 1896, p. 191—192.

производство предметов роскоши и оружия¹⁷. В Василики включены различные старинные положения о запретах торговать с «варварами» различными видами товаров (Bas., XIX, 1, 86 и 87). Но ко времени Льва VI эта политика, сдерживающая экономические связи народов, являлась уже анахронизмом: большинство тех соседей, которые окружали Византию, к концу IX в. далеко не были уже «варварами».

Тем не менее нельзя считать, что правительство Льва VI вовсе не интересовалось состоянием внешней торговли. Принимались меры к развитию международных торговых связей. В первую очередь необходимо указать на соглашения с русским князем Олегом. Как договор 907, так и договор 911 г. были заключены на основе обоюдной выгоды сторон. Как русским купцам в Византии, так и византийским торговцам в России предоставлялись одинаковые выгоды и гарантии неприкосновенности личности и имущества. В этом отношении эти договоры не имеют ничего общего с теми привилегиями, которые позднее предоставлялись итальянским купцам. Объединение восточного славянства и создание сильного Киевского государства принесло константинопольскому купечеству и ремеслу такие выгоды, которые покрыли весь ущерб, нанесенный захватом арабами Сицилии и Крита. В Книге Эпарха торговля с Италией даже не упоминается.

Для упорядочения торговли с заморскими странами и регулирования отношений между собственниками кораблей и купечеством, для закрепления основ морского права, в 53 книгу Василик был включен «Закон родосцев», который являлся обычным правом для мореходов восточного Средиземноморья. Специальной новеллой 64 подтверждалось наказание для лиц, грабивших потерпевших крушение. Наказание сводилось к материальному взысканию в размере четырехкратной стоимости похищенного (такое наказание существовало и в Римской империи — Dig., XLVIII, 7, 1, 1—2 и Cod. Just., VI, 2, 18 = Bas., LX, 6, 35; LIII, 3, 31; LIII, 3, 52—53). Об обеспечении интересов купцов, потерпевших кораблекрушение, говорит и специальная статья в русско-византийском договоре 911 г. («аще вывержена будет лодья ветром великим на землю чюжую»)¹⁸.

В отношении внутренней торговли, Лев VI придерживался прежнего взгляда о недопустимости самостоятельного ведения торговых операций представителями сановной знати. В Книге Эпарха сановная знать противопоставляется торговцам-профессионалам. Но тот факт, что по поручению хозяина раб мог вести торговое предприятие, естественно, давал сановной знати возможности широко использовать доходы от внутренней торговли. Что касается крестьянского населения периферии, то правительство Льва стремилось содействовать процессу втягивания крестьянства в рыночные отношения. Так, Книга Эпарха гарантировала крестьянам, продающим свой скот, беспрепятственный приезд в город (Кн. Эп., XV, 4).

Судя по Книге Эпарха, большая часть ремесленников, входивших в объединения, продавала потребителю свои изделия непосредственно, без участия посредников (Кн. Эп., IX, 11; XII, 8). Но это положение не было повсеместным. Такая корпорация, как салдамарии, фактически являлась посредником между производителем и потребителем (Кн. Эп., XIII). Однако, всякое торговое посредничество могло быть осуществляемо только объединенными в корпорации посредниками и запрещалось т. н.

¹⁷ Как известно, стремление поражать вождей «варваров» блеском внешней культуры и подкупать их роскошными тканями и изделиями искусных мастеров было одним из излюбленных приемов византийской дипломатии (Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis. Bonnæ, 1829, v. I, p. 469).

¹⁸ Повесть временных лет, т. I. М., 1950, стр. 27.

«метапратам» (Кн. Эп., IX, 1; XI, 1; XII, 4 и 6; XVI, 3). Роль торгового посредника особенно выдвигалась в производстве предметов роскоши. Например, было введено правило, что серикарии, изготавливавшие ткани и роскошные платья, не имели права продавать готовые одежды непосредственно потребителям, но должны были сбывать их вестипратам (Кн. Эп., VIII, 6). Исключительно посредническую роль выполняли пранди-опраты, метаксопраты, салдамарии, отонтиопраты и продавцы скота. Запрет совмещать и производство, и продажу на широкий рынок характерен вообще для больших торговых городов средневековья, где выдвигается роль крупных торговцев¹⁹.

О том, что правительство Льва VI стояло на страже интересов именно крупного купечества, говорит и тот факт, что оно предоставило монопольное право торговать с Болгарией крупным купцам Ставракию и Косме, хищничество которых было использовано, как известно, в качестве повода к болгаро-византийской войне. По-видимому, в дальнейшем правительство Льва VI перестало давать торговые монополии отдельным купцам, но сохранило их за корпорациями. Так, в Книге Эпарха (IX, 6) монопольное право торговли с болгарями, приезжающими в Константинополь, было предоставлено трем столичным корпорациям.

Что же касается непосредственных производителей, то Лев VI везде называет их людьми, «живущими трудами рук своих», противопоставляя их торговцам (τῶν ἐμπορίων πλῆθος — καὶ τοὺς ἄλλως ἐκ χειρῶν βιοῦντας) (нов. 52). Кроме тех рабов, которые выдвигались господами в качестве хозяев мастерских, остальные ремесленники трактуются как свободные лица; они принимаются в корпорацию при поручительстве пяти посторонних лиц (а не господина, что было бы необходимо, если они были бы зависимыми). Вообще, ни в новеллах Льва VI, ни в Книге Эпарха мы не можем отметить никакого иного вида зависимости, кроме отношений рабства и экономической зависимости работника от хозяина или подрядчика.

Судя по новеллам, мы можем считать, что Лев VI был последовательным сторонником производственных и торговых объединений (συστήματα καὶ κοινωνίαι). В новелле 102 он говорит: «много благ в жизни доставляет соединение средств в сообществе, если оно организовано на разумных основаниях; ведь от объединения одного лица, имеющего средства, с другим, имеющим подобные же средства, их сила делается еще могущественнее. Равно так же и при тяжелой бедности сообщество в делах не окажется бесполезным, и нищета, соединяя свои средства в сообществе, не станет такой тяжкой». В торговле члены подобного сообщества называются *συνέμποροι*, их прибыли и убытки ложатся на каждого из них в одинаковой степени (нов. 70). В Василиках такой вид товарищества называется πάντων τῶν πραγμάτων. Но кроме таких единений в Книге Эпарха упоминаются и соглашения для совместного участия в определенном мероприятии, дающем доход: напр., в совместной закупке товаров от приезжих купцов (Кн. Эп., VII, 4; IX, 6; V, 3; VI, 8; IX, 3: κοινωνία ἐφ' ἐνὶ πράγματι; Bas., XII, 5, схолия 2).

Нужно признать, что положение Льва VI относительно выгод кооперирования имели действительно реальное значение как для богатых, так и для менее состоятельных. Для трудящейся бедноты, которая была совершенно беспомощна как экономически, так и в правовом своем положении, единственным способом приобрести хоть какое-нибудь влияние было

¹⁹ G. Doudelez. La révolution communale de 1280 à Ypres. «Revue des questions historiques», mai—sept. 1938, p. 20.

только кооперирование. Только благодаря этому можно было приобрести некоторый вес и влияние, получить в некотором отношении возможности самоуправления, а также представительство перед городскими властями.

Хотя товарищества мыслились как добровольные, однако Лев VI полагал, что следует создавать товарищества для совместного извлечения дохода даже в принудительном порядке. Так, в новелле 102 говорится: «человеколюбивым деянием является принуждение человека к тому, что принесет ему пользу». На этом основании Лев VI требует, чтобы мелкие рыбаки в принудительном порядке объединялись в рыболовецкие артели и соединяли свои небольшие земельные приморские участки, совместно организуя причалы. При этом Лев VI установил, что если объединяются неравные приморские земельные участки, то доход от рыбной ловли должен тем не менее делиться не пропорционально земельному участку, а поровну между участниками объединения (нов. 103), на основании того соображения, что добыча собирается не на земле, а на море, которое является общественным. Но обычно в товариществах торговцев и ремесленников признавался иной принцип: кто вносит больше, тот и получает соответственно большую часть дохода ($\delta\tau\omicron\ \pi\lambda\epsilon\omicron\nu\ \mu\epsilon\rho\omicron\varsigma\ \epsilon\nu\ \tau\eta\ \kappa\omicron\iota\nu\nu\omega\nu\iota\alpha\ \sigma\upsilon\nu\epsilon\iota\sigma\phi\epsilon\rho\omega\nu$, $\tau\omicron\ \pi\lambda\epsilon\omicron\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \chi\epsilon\rho\omicron\upsilon\varsigma\ \pi\omicron\rho\iota\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, $\kappa\alpha\iota\ \kappa\alpha\lambda\omega\varsigma$). Лев считает это правильным. И по Книге Эпарха при организации совместной закупки в дни торжищ распределение дохода производится соответственно величине взноса (Кн. Эп., V, 3; VI, 8; 13, 3).

Имеется точка зрения, что всем товариществам и объединениям Лев VI покровительствовал исключительно из соображений выгоды казны, для удобств налогового обложения²⁰. Разумеется, доходы императора и чиновной знати от сбора налогов имели значение, но нельзя забывать, что византийская знать генетически была тесно связана с местными торгово-ростовщическими прослойками: ведь разбогатевший торговец обычно покупал придворное звание и входил в состав аристократии. Поэтому сама правящая группировка была заинтересована в увеличении прибылей константинопольских дельцов. Но при этом, конечно, отнюдь нельзя модернизировать отношения того времени и, вслед за Г. Миквицем, все мероприятия правительства Льва в отношении объединений расценивать как «картелирование византийской промышленности»²¹.

Для идеологического оправдания административного вмешательства в дела производственной и торговой жизни столицы Лев VI в своем введении к Книге Эпарха пространно говорил о задачах правительства содействовать благоустройству общества, не допускать насилий и притеснений, а также обеспечивать, чтобы все расценивалось «справедливой мерой».

Если судить по статьям Книги Эпарха, то регулирование должно было быть в Константинополе весьма строгим и придирчивым. Но было ли оно действительно столь тягостным для хозяйственной жизни столицы, как это стараются представить Николь и Гериг?²² Андреадис, Миквиц и Лопец²³ сомневаются в этом и не безосновательно. Они указывают, в частности, на то, что правительство не устанавливало твердых цен, а по

²⁰ G. Ostrogorsky. History, p. 225.

²¹ G. Mickwitz. Die Kartellfunktionen der Zünfte. Helsingfors, 1936, S. 205.

²² J. Nicole. Le livre du Préfet... Mém. de l'Institut génévain, v. XVIII. Genève, 1894; H. Gehrig. Das Zunftwesen Konstantinopels im X. Jh. «Hildebrands Jahrb. f. National-ökonomie», Bd. 93, 1909.

²³ A. Andréas. Byzance, paradis du monopole... Byz., IX, 1934; G. Mickwitz. Die Kartellfunktionen...; R. S. Lopez. Silk Industry in the Byzantine Empire, «Speculum», I, 1945.

существо пыталось регламентировать только процент прибыли корпораций, непосредственно связанных со снабжением Константинополя продуктами питания. Что же касается собственно производственных запретов, то они не могли быть особенно чувствительными, потому что ведь запрещалось изготавливать только то, что и не могло иметь сколько-нибудь широкого сбыта (например, некоторые виды одежды, считавшиеся регалиями царской власти). Количественные же ограничения (например, запрещение покупать для потребностей мастерской больше одной литры золота) касались только единовременных операций и на практике, конечно, легко могли быть обойдены. Самым реальным ограничением было только запрещение заниматься двумя смежными ремеслами и видами торговли: это действительно затрудняло объединение эргастериев в сложную мануфактуру, но зато обуславливало более детальное разделение труда, и, — что было еще важнее для развития товарно-денежных отношений, — выдвигало роль торговца-посредника. В многочисленных житиях святых, которые отражали будничную жизнь византийского общества, государственное регулирование почти не отражается вовсе. Поэтому авторы «Кембриджской экономической истории Европы» предполагают, что Книга Эпарха передает нам не действительность, но своего рода идеал государственной деятельности²⁴.

Однако нужно считаться и с вполне реальными возможностями регулирования. Оно давало право местному чиновничеству вмешиваться в дела эргастериев и под предлогом контроля заниматься вымогательствами и производить всевозможные насилия²⁵. Да и сами члены корпораций, осуществляя функции надзора (например, аргиропраты, салдамарии. — Кн. Эп., II, 12 и XIII, 4) могли использовать свои права в целях вымогательства (на что достаточно прозрачно намекает сама Книга Эпарха, III, 2). Поэтому так цеплялись за регулирование бюрократические круги Константинополя²⁶.

Для правильной оценки экономической политики Льва VI следует отметить, что именно при этом императоре были сняты все ограничения в производстве ювелирных изделий, в том числе и церковного назначения (нов. 81), существовавшие с позднеантичного времени, отменены некоторые запреты в производстве одежды с использованием пурпурных тканей. Мотивируя эту отмену (нов. 80), Лев писал: «я не понимаю, почему прежние императоры, сами облачаясь в пурпуровые ткани, не разрешали допускать в продажу одежды, сшитой из отдельных отрезков пурпуровой ткани?» Он считал это какой-то «завистью» в отношении к подданным, не приносящей чести императорскому величию (нов. 80). Эти новые веяния во взглядах господствовавшего в Византии класса отражали тот несомненный факт, что византийское производство предметов изысканной роскоши встретило в то время уже с конкуренцией чужеземцев, особенно в странах Ближнего Востока, и всем стало ясно, что неразумные запреты оказались бы выгодными только конкурентам.

Одним из сложных вопросов, связанных с нашей темой, является вопрос об отношении правительства Льва VI к так называемому регулированию доходов. Напомним, что по юстинианову праву, в этой части вполне разделимому Львом VI, под доходом разумеется все то, что получается από χαράτων («от забот»), т. е. от предпринимательства (Bas., XII, 1, 6 =

²⁴ The Cambridge Economic History, vol. 2, 1952, p. 88.

²⁵ А. К а ж д а н. Социальный состав населения византийских городов. ВВ, VIII, стр. 95.

²⁶ Интересно отметить, что в новелле 61 **Лев VI**, очевидно, считаясь с массовостью фактов взяток и противозаконных **доборов**, **снизил** наказание для лиц, обличенных в подобных преступлениях (заменил **смертную казнь** **четыре**кратным штрафом).

= Dig., XVII, 2, 7; Bas., XXXV, 14,37 = Dig., XXIX, 2, 45, 2). В Пире (середина XI в.) говорится: доход — то, что получается в результате деятельности (подразумевается — торговой или производственной); то же, что поступает от наследства, легатов, дарственных, в понятие дохода не включается (Пира, XXI, 2). Но количественная сторона дохода тесно связана с понятием справедливой расценки. Лев VI говорит во введении к Книге Эпарха: «Господь бог установил, чтобы все соразмерялось по справедливой расценке» (δικαίῳ σταθμῷ).

Понятие справедливой цены в то время не было проблемой чисто теоретической или принципом морального воздействия. Это было в то время положением действующего права, которое применялось на практике в актах купли-продажи. В Василики включена статья: «если кто свою вещь продаст по слишком низкой цене, он может, отдав полученную им цену, вернуть свою вещь; слишком низкой ценой называется такая, которая меньше половины расценки этой вещи (εἰς ἡμίσειαν διατίρησιν). Если же покупатель согласится заплатить недостающее до справедливой цены (курсив наш. — М. С.), то он может удержать за собой купленную вещь. Настоящее право распространяется и на детей продавца» (Bas., XIX, 10, 72 = Cod. Just., IV, 41, 2). В следующей статье Василий говорит о том, что при купле-продаже вполне дозволено в интересах личной выгоды «обходить» друг друга, однако не разрешается покупателю давать меньше половины справедливой цены (Bas., XIX, 10, 77 = Cod. Just., IV, 41, 8).

На практике установление «справедливой цены» происходило двумя путями: во-первых, посредством особой процедуры «оценки» (διατίρησις — aestimatio), при которой в качестве оценщиков выступали т. н. «сведущие» лица. Из Книги Эпарха ясно, что «сведущие лица» — это члены корпораций, которые в порядке выполнения правительственных повинностей обязаны были производить расценки, например, ювелиры (Кн. Эп., II, 2 и 12; XIX, 1).

Другой путь установления справедливой цены осуществлялся ведомством эпарха путем исчисления расходов и т. н. законной прибыли (Кн. Эп., XV, 2; XVII, 1 и XVIII, 1).

При продаже предметов роскоши, где норма прибыли не ограничивалась, установление справедливой цены проводилось путем διατίρησις; при том указывалось, что оценщики не смели ни завышать, ни занижать расценку, но должны были расценивать по справедливой цене (Кн. Эп., II, 2). В данном случае имелась, очевидно, в виду обычная, установившаяся в течение длительного времени цена (особенно в отношении золотых вещей и прочих драгоценностей, расценивавшихся в основном применительно к покупательной способности золота, курс которого в продолжение ряда столетий был почти неизменным в отношении к прочим ценностям и серебру). Так же полагалось действовать и при разборе конфликтов по оплате за произведенную работу: «Все то, что полагается по закону в отношении купли и продажи, должно относиться и к соглашениям о найме. . . при этом расценка работы должна была производиться знающими ремесленниками» (Кн. Эп., XXII, 3).

Что же касается продуктов питания и предметов широкого потребления, то цена устанавливалась путем сложных подсчетов и нормированием прибыли. В Василиках, например, говорится, что в обязанности городского эпарха входит: «заботиться, чтобы мясо продавалось по справедливой цене» (курсив наш. — М. С.) (προσέχειν, καὶ τοῦ δικαίου τιμήμασι). А в Книге Эпарха как раз и ~~расценивается~~ ^{устанавливается} конкретно, как должен был эпарх выполнять эту обязанность: устанавливать справедливую цену на

мясо²⁷. Считалось, что законной прибылью мясоторговца является все то, что он получит от продажи кожи, внутренностей и ног животного. Продажная же цена всего мяса определялась той суммой, которая была уплачена за это животное скотопродавцу. Следовательно, в отношении мяса, «справедливая цена» по Книге Эпарха в конечном счете зависела от предложения скота на площади Тавра (куда пригоняли скот владельцы стад), от тех цен, которые назначил скотопродавец, т. е. в конечном счете от землевладельцев. То, что касалось расценок на мясо, относилось и к ценам на рыбу, хлеб, вино, т. е. на все главные продукты питания.

Мы видим, таким образом, что представление о том, что справедливая цена устанавливалась будто бы вне всякой связи с конъюнктурой рынка, встречающееся в нашей литературе, не может считаться правильным. Иначе, конечно, и не могло быть при столь развитом рыночном обмене, как в Константинополе, с его полумиллионным населением. И далеко не случайно, что многие источники того времени сообщают нам о спекуляции и некоторых других явлениях так называемого «черного рынка»²⁸. При значительном привозе торговцы склонны были припрятывать товар, чтобы продавать его по повышенной расценке в период ослабленного подвоза в столицу (Кн. Эп., XVI, 5)²⁹.

Понятие «справедливая цена» в документах времени Льва VI не связывалось ни с какой присущей данной вещи внутренней, характерной только для этой вещи ценностью: в представлениях константинопольских дельцов, экономические воззрения которых передались Льву VI, невозможно было даже под ширмой религиозных идей дойти до признания внутренней субстанции стоимости — затраченного общественного труда. То, что было сравнительно легко в маленьком средневековом западноевропейском городе, жившем в сфере простого товарного хозяйства и непосредственного обмена между производителем и потребителем, не могло быть основами воззрений жителей большого города-эмпория со сложными факторами ценообразования, скрывающими трудовую стоимость товара.

Следует отметить, что понятие «справедливой цены» применялось только к процессу ценообразования непосредственно на городском рынке. В экономических связях с сельскохозяйственной периферией понятие «справедливости» цены (в указанном выше смысле) не могло найти никакого обоснования, так как в провинции господствовало натуральное хозяйство, покоившееся или на труде рабов и мистиев, или же на ренте париков. Кроме того, очень многое тут зависело от таких факторов, как погода, урожай и т. д. Так, если городские розничные винооторговцы-корчмари были связаны «справедливой ценой» и «справедливыми мерами», то провинциальные продавцы вина оптом не связаны были никакими ограничениями. В основу 7-го титула 53-й книги Василик, которая была составлена при Льве VI в наиболее независимом от юстинианова законодательства порядке, положена статья: «Винооторговцы продают вино так, как они усло-

²⁷ Л. М. Мордухович (Очерки истории экономических учений, стр. 40—41) переводит *justum pretium* словами «истинная цена» и пытается найти противоречие между римской «истинной ценой» и средневековой «справедливой ценой». Но *justum pretium* вовсе не значит «истинная цена», а означает именно «справедливую цену». В греческих переводах выражение *justum pretium* переводится словами *δίκαιον τίμημα* — «справедливая цена» (Bas., VI, 4, 2). Понятие *verum pretium* встречается в конституции Диоклетиана, который издал декрет о принудительных твердых ценах; в греческом переводе Кодекса Юстиниана, когда не действовал максимальный тариф Диоклетиана, слова *vera pretia* переданы так же, как *δίκαιον τίμημα*, т. е. *justa pretia* (Bas., XIX, 10, 66). Понятие *δίκαιον τίμημα*, употребляющееся в документах Льва VI, является только дословным переводом термина юстинианова права *justum pretium*.

²⁸ Φ. Κουκούλές. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς, т. II, 1. Αθήναι 1949, σελ. 202.

²⁹ G. Mickwitz. Die Kartellfunktionen..., S. 220.

вятся. Никто не может их принуждать в отношении мер и цены, и в особенности, если это против обычаев старины».

Совершенно не ставился вопрос о «справедливой цене» во внешней торговле (а к внешней торговле приравнивались и все виды торговли Константинополя с провинцией). Это совершенно понятно. Ф. Энгельс³⁰ подчеркивает, что противоположность современному положению вещей, в средние века «в международной торговле... общим правилом является продажа не по стоимости». Таким образом, ценообразование в абсолютной величине зависело от взаимоотношения сил феодализирующей деревни, живущей в основном натуральным хозяйством и продающей свои излишки в городе, и, с другой стороны, городского патрициата, живущего в сфере рыночных отношений и товарного производства.

Но если «справедливая цена» не касалась абсолютного выражения расценки товара, то фактически дело сводилось к установлению только «справедливой» прибыли торговца и «справедливой» заработной платы за труд ремесленника. Мы уже видели это на примере установления справедливой цены на мясо. Еще более ясно видно это на примере установления цены на хлеб. «Справедливая» цена на хлеб устанавливалась следующим образом: учитывалась стоимость купленного зерна, к ней прибавлялась наценка — $16\frac{2}{3}\%$ на содержание помещения (топку печей и т. д.) и рабочей силы (рабов или наемных работников) и $4\frac{1}{6}\%$ прибыли самому хлебопеку. Не зная ни абсолютной величины, ни быстроты оборота, ни ставок обложения налогами, которые из своих доходов должен был выплачивать хлебопек, трудно составить картину его благосостояния. Но несомненно, установление твердых ставок прибыли стабилизировало в бытовом отношении уровень жизни хлебопек. Конечно, в годы неурожая цены на хлеб поднимались и, следовательно, в абсолютном выражении увеличивалась и прибыль хлебопека; но в то же время, при росте цен на хлеб соответственно росли и цены на все остальные продукты и увеличивалась заработная плата мистиев³¹, так что в результате прибыль хлебопека оставалась приблизительно на том же уровне.

Законодательное ограничение прибыли исходило из обычного уровня существования ремесленника и, в свою очередь, это ограничение прибыли закрепляло на длительное время тот уровень, который и стал, в представлении сословного общества, «приличествующим» данному ремесленнику. «Справедливая расценка», исходя из существующих взаимоотношений между людьми в распределении материальных благ, закрепляла эти взаимоотношения и была могучим средством укрепления сословного строя общества. Самое понятие «справедливости» связывалось с теми мероприятиями, которые закрепляли существующие взаимоотношения между людьми. Это соответствовало тому принципу, который был провозглашен в составленных при Льве VI Василиках как основной идеал действующего права: «Справедливость есть твердая и постоянная воля *воздавать* каждому по его праву. Основные положения закона: почтенно жить, другому не вредить, и *воздавать каждому ему приличествующее* (*τὸ ἴδιον*)» (курсив наш. — М. С.) (Bas., II, 1, 10 = Dig., I, 1, 10).

По книге Эпарха «справедливая расценка» касалась также и высоты заработной платы наемных работников в различного рода производствах. Мотивируя это, Книга Эпарха (XXII, 2), в частности, указывает, что всякий перерыв в работе приводит к тому, что работник остается без пропитания. Следовательно, фактически «справедливой» ценой труда в то

³⁰ К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1950, дополнения Ф. Энгельса, стр. 917.

³¹ Michaelis Attalio tae Historia. Bonnae, p. 202.

время считалось ровно столько, сколько нужно для пропитания работника на время его работы, т. е. прибавочный продукт переходил полностью на нанимателя.

Само правительство вынуждено было констатировать ужасающее положение городской бедноты. В 53-й новелле, например, по этому поводу отмечалось, что бедняки не имели средств похоронить за городом покойников и трупы мертвецов долгое время валялись на улицах города без погребения: «те люди, которые всю жизнь были бедняками и ничего не имели, как они перед смертью могут добыть себе средств для погребения?» Но высказывая на словах свое сочувствие к таким беднякам, Лев VI считал подобное состояние бедноты нормальным и закреплял «приличествующее» этим беднякам их жалкое положение³². Экономика крупного торгового города требовала наличия таких плебейских масс, большого количества поденщиков, вынужденных наниматься за самую низкую плату³³.

Наиболее ярко связь экономических воззрений Льва VI, с условиями господствовавшего в Константинополе товарного хозяйства, выражена в его взглядах на деньги и процент.

Он придавал особенное значение прочности денежного обращения, устойчивости валюты. В новелле 52 Лев пишет: «Если нервом всех дел являются удобные для обращения деньги, а от прочности дел (πραγματων δυναμειος) зависит благосостояние общества (εὐσταθεία πολιτείας), то правы были древние, которые нужду в них (τὴν ἐνδείαν) считали своего рода болезнью и несчастьем и старались избегать ее тем, что допускали к обращению всякий вид золотой монеты, безразлично, была ли она выпущена прежде царствовавшими императорами или в самые древние времена». От неустойчивости валюты, подчеркивает новелла, страдают все: и «живущие от рук своих», и «весь крестьянский род» (как истый горожанин, Лев VI говорил обычно о крестьянах только как о тесно связанных с рынком продавцах своих продуктов и покупателях городских товаров). Монета считалась годной, если: 1) она не была фальшивой, 2) была чистопробной и 3) была полновесной (нов. 52). Тем самым Лев VI выдвигал на первый план золото как металл, а монету — как определенный вес золота. Он видел, таким образом, в деньгах всеобщий товар, имеющий определенную внутреннюю присущую ему покупательную силу. Но в то же время значение денег в обществе он расценивал с точки зрения выполнения ими функций средств обращения, при недостатке которых невозможны «дела».

Даже брачные соглашения Лев VI рассматривал как чисто коммерческую сделку с объявленной неустойкой (нов. 61). Эта новелла Льва отражала старинное местное право Константинополя и Фессалоники о пене за расторжение брачного договора.

Несмотря на все старания прослыть «святым», несмотря на свои постоянные выступления с проповедями по поводу церковных праздников, Лев VI в своих новеллах исходил не из положений канонического права —

³² Как выше уже указывалось, в конфликтах по оплате за проделанную работу дело разрешалось «знающими» ремесленниками. Едва ли можно сомневаться, что «знающие» ремесленники, определяя «справедливую» плату, исходили при этом из принципа, провозглашенного Юстинианом в новелле 122: ἀρχαίαν συνθήκην φυλάττειν — хранить древний обычай и не требовать больше обычного (πλέον ἔδους), что и являлось стремлением закрепить навеки существовавший низкий жизненный уровень работника. Следует добавить, что если ремесленники приглашались для работ на императорский двор, никаких претензий в отношении «справедливости» оплаты не полагалось: работники должны были удовлетворяться тем, что благоволят «пожаловать» император.

³³ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 210—211; G. Ostrogorsky. Löhne und Preise im Byzanz, BZ., Bd. 32, 1932, S. 297—298.

на первом месте у него всюду стояли заботы о развитии товарно-денежного хозяйства. Показательно в этом плане его отношение к ссудному проценту.

Взимание процента было совершенно легально при Юстиниане. О каких-либо новых законах по этому вопросу, изданных в последующий период, характеризующийся ослаблением международного значения византийских городов в VIII—IX вв., сведений не сохранилось. Эклога о процентах совершенно не упоминает³⁴. Но ростовщичество, конечно, существовало. Император Василий I, испытывая трудности в борьбе против павликианского народного движения, решил несколько успокоить массы и торжественно отменил всякое взимание процента, ссылаясь при этом на библейские тексты. В законодательстве Василия повсюду и в Прохироне, и в Эпанагоге, взимание ссудного процента не допускалось. Но к концу правления Василия положение Византии на международной арене изменилось: после разгрома павликиан власть центрального правительства окрепла, христианизация Болгарии и развитие связей с Киевским государством, равно как и начавшийся распад Багдадского халифата, снова повысили возможности развития торговли в Византии. Товарные отношения стали развиваться бурно, и запрет ссудного процента невыгодно отражался на сделках. Поэтому новеллой 83 Лев VI отменил запреты, изданные его отцом Василием. «... Это распоряжение, — писал Лев VI, — вследствие бедности народа, привело не к лучшему, как думал законодатель, а к худшему. Раньше, в надежде на процент, многие охотно давали ссуду; когда же появился закон, согласно которому нельзя было извлекать выгоду из представления ссуды, некоторые стали бесчеловечными, жестокими и неотзывчивыми к нуждающимся в подобной ссуде... В результате... закон, сам по себе доброжелательный, не только не принес пользы, но причинил вред... Природа человека не достигла той высоты, на которой находится тот закон, и поэтому мы отменяем этот прекрасный закон». Были полностью восстановлены и включены в Василики (XXIII, 3, 76) юстиниановы нормы ссудного процента. Землевладелец, давший крестьянину в долг деньги, мог требовать только кератий на номисму ($4\frac{1}{6}\%$)³⁵; но если крестьянин получал ссуду продуктами, то должен был выплачивать 12%! При обычных сделках разрешалось брать 6—8%, при финансировании морской торговли — 12%³⁶.

Попытки регулирования процента объясняются, конечно, прежде всего интересами сановной аристократии: слишком большая свобода в отношении ссудного процента была бы неприемлема для определенных кругов самой знати. Вместе с тем запрет высокого процента служил стимулом к вступлению богатого ростовщика в товарищество: из простого ссудодателя ростовщик мог превратиться в участника-предпринимателя, а это могло стимулировать развитие внешней торговли. Но, кроме того, необходимо отметить еще один момент. Выражая в своих новеллах взгляды, отражающие потребности господствующего класса, связанного с товарным хозяйством, Лев VI тем не менее не мог не видеть нарастающих классовых противоречий, ужасающей нищеты наряду с роскошью знати. В новелле 96 Лев VI сам говорит о том, что беднота склонна на самые отчаянные шаги: τοὺς στέ-

³⁴ K. Zachariä v. Lingenthal. *Geschichte des griechisch-römischen Rechts*. Berlin, 1892, S. 312.

³⁵ K. Zachariä v. Lingenthal. *Geschichte...*, S. 309; G. Cassimatis. *Les intérêts dans la législation de Justinien et dans le droit byzantin*. Paris, 1931 (bespr. v. F. Dölger. BZ, Bd. 32, 1932); Н. В. Пигулевская. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии. ВВ, т. IV, 1951, стр. 84.

³⁶ Вскоре после Льва ставки процента были повышены с $4\frac{1}{6}\%$ до 5,55%, а морской процент — до 16 $\frac{2}{3}\%$ (K. Zachariä v. Lingenthal. *Op. cit.*, S. 111).

νοχωρουμένους πολλάκις τοῖμαῦν προάγει ἀτόλμητα. Вполне возможно, что ограничивая величину ссудного процента, Лев VI хотел этим несколько смягчить остроту классовых противоречий.

Несомненно, что несмотря на свои «либеральные» высказывания, Лев VI практически очень мало сделал для бедноты. Но нельзя и отрицать совершенно, как это делает Кассиматис³⁷, что кое-какие попытки в этом направлении Лев VI вынужден был предпринимать. Находясь в резком конфликте с определенными кругами церкви, Лев VI, естественно, вынужден был маневрировать, заниматься в некоторой степени демагогией. Так, в Житии патриарха Евфимия³⁸ определенно говорится, что церковные деятели, стоявшие на стороне Льва VI, опирались на довольно широкие слои народных масс и что резко враждебная Льву VI группа церковников не встречала особого сочувствия в массах. Кроме того, едва ли случайно, что в памяти народа сохранился целый ряд легенд об этом правителе, в которых он расценивается как мудрый правитель, почти чародей³⁹. Реальным мероприятием в пользу трудящихся можно, пожалуй, считать только покровительство организации корпораций и товариществ. Но конкретные данные об объединениях трудящихся мы имеем только в отношении рыбаков и катартариев. О действительном значении включенных в Книгу Эпарха постановлений о «справедливой плате» мы говорили уже выше. В этой же Книге есть несколько статей, запрещающих повышать квартирную плату. В данной связи незначем, конечно, останавливаться на таких «уступках» бедноте, как право хоронить в городе при отсутствии средств везти покойника за город⁴⁰. Еще курьезнее звучит новелла 96, в которой Лев VI освобождает вовсе от наказания тех бедняков, которые совершили грабеж могилы в первый раз... Да и странно было бы и ожидать большего от главы государства крупных землевладельцев, городского патрициата и духовенства.

Политика демагогии была хорошо знакома византийским императорам и Лев VI старался изобразить себя в новеллах, в Книге Эпарха, во введении к Василикам монархом, ставящим себе целью не допускать, «чтобы сильный угнетал слабого». Но исследование всех его законодательных актов, относящихся к вопросам собственности, ремесла и торговли, свидетельствует, что реальным в них было стремление сохранить господствовавший тогда в Константинополе хозяйственный уклад и те формы эксплуатации, которые существовали в период, когда феодальные институты еще не оформились, но феодальные отношения уже пробивали себе дорогу.

Экономические воззрения Льва VI построены на узкой базе — они почти не касаются деревни, а между тем основные процессы феодализации развивались именно в провинции. Преемники Льва (Роман I, Константин VII Багрянородный, Роман II и особенно Василий II), в противоположность Льву VI, больше обращали внимание именно на деревню, в результате чего некоторые новеллы Льва VI оказались отмененными и не вошли в византийское законодательство.

³⁷ Г. П. Κασσιμάτης. Ἡ κοινωνικὴ πολιτικὴ εἰς τὰς νεαρὰς τοῦ Λέοντος τοῦ Σοφοῦ. ΕΕΒΕ, 1937, σελ. 35—39.

³⁸ Vita Euthymii, ed. C. de Boor, XX, 4, p. 48.

³⁹ А. Веселовский. Опыты о развитии христианской легенды. ЖМНП, 1875, апр., стр. 35 сл.; Ю. А. Яворский. Византийские сказания о Льве Премудром... СПб., 1909.

⁴⁰ Нарративные источники смутно говорят о мероприятиях Романа I в целях облегчения уплаты энэйкиона — квартирной платы. В связи с этим имеется предположение, что статьи с запретом повышать энэйкион только позднее включены в Книгу Эпарха. Однако мероприятие Романа носило характер единовременной льготы квартиронанимателям, тогда как в Книге Эпарха говорится о запретах повышать квартирную плату.